

## Восстановление справедливого порядка в постконфликтных ситуациях в свете социальной доктрины Римско-католической церкви

Джорджо Филибек<sup>1</sup>

Прежде всего необходимо отметить, что постконфликтные ситуации и сегодня не всегда характеризуются восстановлением подлинного мира. Зачастую конфликт продолжается в более или менее скрытой форме — от отдельных враждебных действий, иногда в виде террористических актов, до военных операций, которые, будучи сами по себе спасительными, способствуют сохранению воинственного настроя. В этих условиях представляется трудным гарантировать безопасность, которая необходима для отправления правосудия. Итак, отправление правосудия определяется сугубо политическим фактором: без реального общего согласия прекратить вооруженную борьбу невозможно восстановить такой порядок, при котором правосудие будет рассматриваться как достижимая цель.

Однако если отсутствует политическая воля наказать тех, кто виновен в совершении деяний, недопустимых с нравственной точки зрения, не говоря уже о том, что они преступны с точки зрения права, то не удастся проложить путь к подлинному миру.

Мы прекрасно знаем, и вполне уместно подчеркнуть здесь еще раз: мир не сводится к отсутствию войны, он зиждится на справедливости. В рамках нашей темы справедливость заставляет вспомнить о еще одном ключевом понятии — об истине, без которой не может быть справедливости, не может быть правосудия.

Две тысячи лет назад в Иерусалиме во время «политического» процесса, ставшего впоследствии знаменитым, представитель колониальной державы того времени, прокуратор Понтий Пилат, с рассеянным видом слушает обвиняемого, еврея, некоего Иисуса Христа, который говорит ему, что пришел

---

<sup>1</sup> Джорджо Филибек является членом секретариата Папского совета «Справедливость и мир», Ватикан.

Статья написана на французском языке.

на землю свидетельствовать об истине. Прокуратор недоумевает и, почти думая вслух, отвечает ему: «Что есть истина?» (Ин 18:38). Этот неотступный и в высшей степени важный вопрос со всей остротой встает при рассмотрении нашей темы, поскольку он заставляет задуматься об ответственности каждого человека, какое бы место в жизни тот ни занимал, и касается не только деяний, но и упущений.

Всем известно, что процесс, о котором я упомянул, закончился вынесением смертного приговора. Римский прокуратор, обладавший в то время полномочиями «наднационального судебного органа», считал, что обвиняемый не виноват, но из соображений политической выгоды вынес ему приговор по требованию «национального судебного органа» после того, как дело было представлено, если можно так выразиться, на суд народа. Вот, кстати, еще одна причина относиться сдержанно к способности внутригосударственного судебного органа всегда сохранять объективность!

Истина является также силой мира, ибо лишь знание фактов способствует созданию атмосферы, в которой можно разрядить противоречия, порожденные мраком подозрительности, преодолеть агрессивность, вызванную жаждой мести, и найти решение, в наибольшей степени способствующее сплочению тех, кто стремится к согласию. Решение, которое было бы справедливым, даже не будучи обязательно судебным. Может быть, не совсем правомерно прибегать в нашей дискуссии к понятию справедливости, но я позволю себе перефразировать Паскаля: «У справедливости есть доводы, недоступные пониманию правосудия». Речь идет не о том, чтобы оспорить принцип законности, на котором зиждется современное уголовное право, и не о том, чтобы обелять виновных, но о том, что в некоторых случаях можно пойти по иному пути, нежели принятие судебных мер, или предоставить судье определенную свободу действий, позволяющую руководствоваться соображениями справедливости. И не для того, чтобы подорвать абсолютную ценность права, но для того, чтобы не забывать о древнем и мудром правиле римских юристов, подчеркивавших: «*Summum ius, summa iniuria*» (Высшее право — высшая несправедливость — лат.); иначе говоря, юридический подход, получивший логическое развитие, приводит к результату, который прямо противоположен поставленной цели — защитить и поднять на новую высоту человеческое достоинство, отстоять и укрепить мир.

Но в ситуациях, когда нацию или этническое сообщество раздирают глубокие противоречия, попорченное достоинство и подорванный мир не могут быть восстановлены одними лишь правовыми мерами.

В любом случае применение юридических средств должно подкрепляться серьезной просветительской работой. Не следует питать иллюзий, полагая, что приговор сам по себе — мера, достаточная для устранения преступлений против человечества, особенно если это смертный приговор. Прибегая к уголовному наказанию, нельзя экономить на воспитательных мерах. Это верно и для общеуголовных преступлений (но здесь я считаю необходимым напомнить, что всякое убийство есть преступление против человека, против его права на жизнь «от момента зачатия до естественной смерти», а значит, и против человечества).

В конце концов, если приходится вести речь о «культуре безнаказанности», это красноречиво свидетельствует о том важном значении, которое имеет воспитательная деятельность.

В случаях, когда подтверждаются факты преступлений против человечности, уголовные санкции, осуществляемые постфактум, должны сопровождаться мерами, имеющими целью изменить психологию людей. Иногда уголовное судопроизводство может способствовать этому изменению, в иных случаях такой результат лучше достигается другими способами. Возможно и сочетание этих двух видов мер, в зависимости от серьезности правонарушений.

«Преследовать или не преследовать?»: «That is *not* the question!»<sup>1</sup> Скорее, следует задаться вопросом о том, каковы причины конфликта и в каких условиях совершались преступные действия. Если мы серьезно желаем положить конец таким действиям, надо вырвать их корни, надо быть готовым пойти по пути примирения, пути очень нелегкому, поскольку он требует преобразования сердца: а это значит просто перейти от ненависти к любви. Употребление этих слов в юридическом контексте может показаться странным, однако если мы не решаемся назвать конечную цель наших усилий, существует опасность того, что они останутся бесплодными. Вспомнить прошлое, чтобы изгнать его призраков, необходимо, но недостаточно.

Необходимо также воздействовать на сознание отдельных людей. Мне представляется особенно примечательным опыт Комиссии по установлению истины и примирению в ЮАР. В конечном счете именно в сознании людей зарождается или умирает всякий закон. Трагизм положения международного гуманитарного права состоит именно в том, что оно весьма подробно разработано в теории и постоянно нарушается на практике.

Распространения знаний и информации об этих юридических документах недостаточно, если оно не сопровождается надлежащей работой по пропаганде принципов, лежащих в основе международного гуманитарного права, в частности и прежде всего — высокого достоинства каждого человека на всех этапах его жизни. В рамках такого педагогического процесса ценности религиозного характера могут сыграть важную роль в том, чтобы закрепить в сознании линию поведения, соответствующую правовым нормам. Следовательно, программы пропаганды МГП значительно выиграли бы, если бы они разрабатывались в сотрудничестве с лицами, пользующимися авторитетом в религиозных сферах.

Некоторые относятся весьма сдержанно к той положительной роли, которую играет религия как стимул к соблюдению международного гуманитарного права, поскольку, как они напоминают, существуют вооруженные конфликты религиозного характера. Но это поверхностный взгляд, ибо при более глубоком анализе становится ясно, что в основе таких конфликтов лежит борьба за власть, которая эксплуатирует чувство принадлежности к религиозной конфессии в качестве дополнительной причины вести войну.

---

<sup>1</sup> «Вот в чем вопроса нет!» — англ.

Сейчас, когда работа над созданием международного уголовного суда успешно продвигается вперед (несмотря на определенное сопротивление), мне представляется целесообразным напомнить, что Римско-католическая церковь в свое время не осталась в стороне и приветствовала эту меру.

Я бы хотел сослаться, в частности, на речь, с которой папа Пий XII обратился 3 октября 1953 г. к участникам VI Международного конгресса по уголовному праву. Тогда папа проявил поразительно современное понимание рассматриваемых в настоящей статье проблем, если учесть, как много времени прошло с тех пор.

По мнению Пия XII, «защита отдельных лиц и народов от несправедливости и нарушений права путем разработки международного уголовного права является высокой целью». Он напомнил о трагических событиях, происходивших в годы двух мировых войн, когда противника «больше не воспринимали как человека». Такое отношение привело к преступным деяниям, и папа считал необходимым, «чтобы все виновные, невзирая на лица, были призваны к ответу, чтобы они понесли наказание и чтобы ничто не позволило бы им избежать возмездия за содеянное — ни успех, ни даже то обстоятельство, что они действовали по приказу начальства». Он считал желательным принятие «четко определенных правовых норм принудительного характера, которые, будучи закреплены в официальных договорах, в силу этого, стали бы обязательными для договаривающихся государств». Предмет этих норм — «особо тяжкие преступления», для которых лишь и возможно «принять единое для всех стран уголовное законодательство».

Папа указал на объективные критерии, позволяющие определить наиболее тяжкие преступления, которые подлежат уголовному преследованию. Прежде всего он говорит о случае войны, «которая не подразумевает безусловной необходимости обороны», и утверждает, что «международное сообщество должно считаться с существованием бесовестных преступников, которые ради осуществления своих планов не останавливаются перед развязыванием тотальной войны». Он перечислил также ряд преступных деяний — от расстрела невинных жертв в порядке репрессалий до массовых депортаций.

Говоря о том, какими должны быть наказания, Пий XII отметил, что «когда человеческая жизнь становится объектом преступной игры, когда сотни и тысячи людей обрекаются на жесточайшие страдания, простое лишение гражданских прав было бы оскорблением правосудия», и сказал, что наказания «должны соответствовать тяжести преступлений». Он рекомендовал заключить соглашение о единообразном применении наказаний, подчеркивая, что «живущие несправедливостью не могут вносить вклад в разработку права».

Папа отметил важность правовых гарантий, которые должны предоставляться обвиняемому, ведь «отправить человека в концлагерь и держать его там без должным образом проведенного судебного разбирательства — значит попрасть право». Он настаивал, в частности, на запрещении физических и психических пыток, цитируя один документ папы Николая I, который в 866 г., отвечая на вопрос болгарского царя, четко провозгласил недопустимость таких действий с точки зрения как божественного, так и человеческого закона.

Пий XII подчеркнул также, что необходимо гарантировать обвиняемому «возможность защищаться на самом деле, а не просто формально», равно как и обеспечить «беспристрастный состав суда». По мнению папы, такая беспристрастность «должна обеспечиваться в особенности тогда, когда уголовный процесс затрагивает международные отношения». В этих случаях «надлежит иметь возможность прибегнуть к международному суду, или, по меньшей мере, внутригосударственному суду апеллировать к суду международному», чтобы не пришлось с прискорбием наблюдать, «как победитель судит побежденного за военные преступления, в то время как сам победитель виновен в подобных же действиях по отношению к побежденному».

Наконец, Пий XII затронул непростую проблему — установление виновности, и подтвердил нравственную и юридическую ценность принципа *in dubio standum est pro reo* (в случае сомнения в пользу подсудимого — *лат.*). Он прекрасно понимал, что в случае вооруженного конфликта возникает деликатный вопрос о приказах, «отдаваемых начальством», и, напоминая о нравственной норме, согласно которой «никто, облеченный властью, не имеет права приказывать совершить безнравственный поступок», он предложил придать этой норме надлежащее юридическое оформление.

По мнению папы, «позитивное право предполагает ряд фундаментальных требований онтологического характера», и, следовательно, «всякое публичное право и всякое международное право находят в общей человеческой природе конкретное, твердое и прочное основание». На такую «естественную» основу здание права может опираться, несмотря на вековые споры, и это особенно верно в отношении международного гуманитарного права, что доказывает, в частности, знаменитая «оговорка Мартенса».

В конечном счете онтологическое измерение включает в себя принцип, согласно которому человеческое достоинство есть трансцендентная ценность — она представляет собой универсальный критерий для всякого человеческого поступка. Если необходимость выполнять гуманитарное право во всех обстоятельствах не укоренится в сознании, его соблюдение будет в конечном счете зависеть исключительно от воли сильнейшего, и усилия, предпринятые для его кодификации, останутся бесплодными.

Наша тема завела нас слишком далеко: примирение достигается непросто и, что следует отметить особо, не является альтернативой правосудию. Папа Иоанн-Павел II выразил это очень четко в послании по поводу Всемирного дня мира 1997 г.: «Еще одной важнейшей предпосылкой прощения и примирения является правосудие, основанное в конечном счете на законе Бога и на Его замысле о человечестве, замысле, исполненном милосердия и любви. Понятая таким образом справедливость не ограничивается восстановлением правильных взаимоотношений сторон, она имеет целью восстановить правильные отношения с Богом, с самим собой, с другими людьми. Следовательно, между прощением и справедливостью противоречия не существует. Прощение не отменяет и не уменьшает необходимости возместить ущерб, а этого требует справедливость, но стремится в полной мере вернуть людей и группы людей в общество,

а государства — в сообщество наций. Никакое наказание не может оскорблять неотъемлемое достоинство человека, совершившего зло. Дверь, ведущая к покаянию и возрождению, должна всегда быть открыта».

Хотя в ходе мирных переговоров ведется поиск компромисса, они не сводятся к торгу. Нужно уметь опираться на силы, способные обеспечить построение мира, начинающееся после заключения соглашений, ибо борьба с безнаказанностью требует действий на различных уровнях.

---